Алекс НОРК

СМЕРТЕЛЬНАЯ БЕЛИЗНА

Алекс Норк

Смертельная белизна

«Автор»
2005

Норк А.

Смертельная белизна / А. Норк — «Автор», 2005

Эскадра во главе с американским суперкрейсером после военного эксперимента в центральной Атлантике двинулась домой. Неожиданное исчезновение задержавшегося на месте судна заставляет вернуться. Что-то странное и одновременно страшное начинает твориться в этом регионе: гибнут люди, сбит палубный истребитель, трагедия постигает чудесный курортный остров. Неуловимый враг начал тотальную войну.

© Норк А., 2005
© Автор, 2005

Содержание

Счастливое утро 6
Непонятная находка 8
Смертельная белизна 13
Неожиданный поворот 17
Тихое мелководье 19
Поиск противника 23
Еще «далеко до вечера» 25
Конец ознакомительного фрагмента. 26

Алекс Норк
Смертельная белизна

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Счастливое утро

Случилось именно так, как и должно было случиться, но все-таки он разволновался. Хотя настолько был заранее уверен, что, не побоявшись сглазить, приобрел перед отплытием два ящика шампанского.

Сегодня оно будет выпито за его и их общие успехи.

Таккерт еще раз прикинул насчет шампанского, которого должно было хватить на офицеров флагманского крейсера и тех, кто прибудет с трех других кораблей. Две дюжины на тридцать человек, конечно, достаточно.

Первым, согласно морской традиции, его поздравил радист. Потом только он прочитал приказ министра обороны и поздравление от него с генеральским званием.

Пусть кто угодно говорит что угодно, изображает из себя живущего не ради наград служаку-скромника, а он не станет лицемерить, тем более – перед собой. Войти в число элитных офицеров великой державы с самым великим в мире флотом – это огромная честь! И ее не оказывают даром.

Двадцать пять лет он отдал океану.

Как отдают себя другу. Потому что океан всегда помогал ему. Все победы, все радости были здесь, а не в кабинетах и не в научных центрах. Итог подводил океан.

Вот и вчера он подвел итог долгой работы Таккерта с командой, учеными, техникой и с теми, на военно-морской верхушке, кто не верил в проект и тормозил движение.

Они опять победили – он и его океан.

Счастливое совпадение: брат вдруг оказался рядышком на своем исследовательском судне; всего отсюда в каких-то ста с небольшим милях.

«Счастливое совпадение – это заслуженная человеком похвала Бога», – говорил им покойный отец.

Странно, несмотря на свой опыт и образование он всегда чувствует себя маленьким мальчиком перед хранимым памятью папиным образом. Простым трудягой-фермером в глухой сельской провинции. Очень религиозным, не читавшим почти ничего, кроме канонических книг, не смотревшим кино, и разве что изредка – телевизор. Но Таккерт не только в детстве, а и сейчас был уверен, что папа все знал. Знал не в количественной мере, а в качественной, до самых глубин. Как знает все и обо всем океан.

Завтра эскадра пойдет обратным курсом, оставив здесь для мелких доработок одно свое небольшое судно. И где-то уже в середине дня они пересекутся с Марком, его старшим братом.

Пять лет разницы никогда в детские годы не были препятствием между ними. Наверное и потому, что переживший в шестилетнем возрасте смерть матери Марк считал младшего брата более всего пострадавшим среди всех членов семьи. Обреченным и вовсе не узнать настоящего детства.

Удивительная судьба двух маленьких сельских детей.

Они всегда бредили океаном. Видели его в кино, на картинках, по телевизору. Но пока Питу не исполнилось семь, а Марку – двенадцать, живой океан был для них главной притягивающей силой.

К тому времени отец смог позволить себе, оставив на неделю работу, отвезти их на Атлантическое побережье. Они приехали в отель поздним вечером, поэтому пришлось ждать до утра. Но лишь рассвело, Марк разбудил маленького Пита и оба, почти трепеща, отправились на долгожданную встречу…

В небесном бессолнечном еще свете океан был невероятно огромен и тих.

Пит вдруг увидел в полумиле от берега одинокий и неподвижный военный корабль с высокой, изящно выгнутой к воде с носа и кормы палубой. Мачты, с угольными непонятного назначения техническими устройствами. Надпалубные овалы огневых комплексов.

Стройный и бесстрашный властелин океана покоился перед ним. И благородный, как собственный силуэт.

Он хотел показать на корабль брату, но тот очарованно смотрел в прозрачную расстелившуюся у ног воду: на стебельки водорослей, мелких, скользящих между ними рыбешек, нежную полусферу медузы, которая будто дышала, наслаждаясь покоем у берега…

Тогда-то сразу и состоялся их жизненный выбор – его и Марка, который стал теперь уже очень известным специалистом океанической фауны.

Непонятная находка

– Марк, там у ребят что-то случилось!

Профессор услышал, как за бортом судна застрекотал мотор их быстроходной лодки и, выскочив на палубу, увидел, как она уже сорвалась и мчится, оставляя за собой пенистый хвост.

– Акулы?!

– Скорее всего. – Его постоянный помощник по экспедициям Кристиан указал рукой в направлении лодки. – Ребята всплыли вдали от судна и начали звать на помощь.

– Дьявол, неужели опять тигровые акулы?! Говорил же я, нельзя резко идти наверх в таких случаях!

– Не волнуйся, пожалуйста, лодка уже на месте.

– Нога может оказаться не на месте, Крис! Ты сам прекрасно знаешь! Где бинокль?!

– Постой, я и без бинокля вижу… оба уже грузятся в лодку. Вон, их ласты мелькают в воздухе.

Лодка сделала полукруг и совсем успокоила тем, что стала возвращаться назад на малой скорости.

– Не распекай их очень-то, Марк. Они ведь еще неопытные студенты.

Лодка приблизилась и только успела выключить двигатель, чтоб подойти вплотную к судну, а аквалангисты – открыть свои рты, чтоб объясниться, как профессор Таккерт, схватившись за борт руками, уже во все горло орал:

– Я вам десять раз говорил, нет, я вам двадцать раз говорил! От акул уходить можно только двигаясь по дну! С вертикальным корпусом! Пока не окажетесь под днищем судна! Там клетка! В нее, и вас поднимут! Разве неясно?! Я вам двадцать раз говорил, а надо – сто двадцать?!

– Там нет никаких акул, профессор, – пока тот набирал воздух, сумел проговорить один из аквалангистов.

Марк Таккерт застыл, уставясь сверху на них, а затем спросил негромким и совсем спокойным голосом:

– Тогда зачем весь этот балаган?

– Вас бы на наше место, профессор, – обидчиво произнес второй аквалангист.

– Благодарю покорно, но лучше я останусь на своем.

– Там страшный скелет на дне, – снова заговорил первый, – во сне закричишь, если такое приснится.

– Скелет пирата, который охраняет сундук с золотом?.. Да говорите же толком!

– Мы толком не разобрались, потому что сразу решили всплыть. А скелет существа огромных размеров. Челюсть одна чего стоит!

– Очень толковое объяснение. Постарайтесь сохранить этот замечательный стиль до будущих экзаменов.

Таккерт посмотрел на улыбавшегося Кристиана.

– Наши акваланги и камеру! Ты, конечно, запомнил, на каком расстоянии от судна они всплыли?

Можно было и не спрашивать. Он давно уже перестал удивляться фантастической остроте зрения и глазомеру своего помощника.

Назад они вернулись не скоро.

А когда лодка пришвартовалась к судну, лица у обоих выражали задумчивость.

– Во-первых, – взбираясь на палубу, объявил профессор, – я поздравляю вас с тем, что вы не узнали скелет кашалота.

Но упрек, против обыкновения, прозвучал совсем не агрессивно.

– А во-вторых, случай, сам по себе очень забавный. Поэтому приглашаю всех в кубрик.

Через несколько минут, когда четверо студентов сидели вокруг в вежливом ожидании, Таккерт, переглянувшись с помощником, вместо слов почесал свою клочковатую жесткую бороду.

– Ну-с, – после некоторого молчания все-таки начал он, – я сказал уже, что случай весьма необыкновенный?

– Нет! – возразил ему тот маленький задира, который уже пытался грубить из лодки.

– А как я сказал?

– Дескать – «какой-то там кашалот, и вам просто смешно!»

– Да, спасибо тебе за точность. – Он опять почесал бороду. – Действительно, очень смешно, потому что мы с Кристианом совершенно не понимаем, что произошло с этим гигантским кашалотом.

– Гигантским?

– Не менее двадцати метров в длину, – сообщил помощник. – Это огромный, а значит чрезвычайно сильный самец.

– Умер от старости и лежит здесь уже много лет? – предположил кто-то.

– Нет, – профессор оставил в покое бороду и заговорил уже быстро и энергично. – Скелет обглодан, и обглодан, что называется, до косточки. Это само по себе удивительно, и я еще скажу почему. Но прежде всего другое: мы обследовали хрящевые соединения и межкостные связки. Поручиться можно, что кашалот был жив, во всяком случае, еще тридцать шесть часов назад. И кроме того: хрящи и связки свидетельствуют, что это животное находилось в расцвете сил.

– Ну и что? Полакомился кто-то, – снова вмешался маленький смутьян и посмотрел на часы. – Нам тоже положено регулярно питаться. Время второго завтрака, между прочим.

– Полакомился?! А не скажешь ли мне – кто вообще способен лакомиться кашалотами.

– Из ваших впечатляющих лекций, уважаемый профессор, я, конечно, запомнил, что кашалоты охотятся главным образом на кальмаров, а очень крупные кальмары могут, оказав сопротивление, смертельно уязвить кашалота.

– Умница ты у нас, – поощрительно улыбнулся Крис. – Только когда я был учеником нашего профессора, то запомнил еще челюстное строение и пищеварительные характеристики кальмаров.

– Не ты один! Я тоже знаю, что мощный клюв кальмара имеет такой же сильный челюстной аппарат, которым он одновременно бьет и терзает жертву. И слопал он, разумеется, не всего кашалота, а небольшую часть. Остальное разъели акулы, а мелочь на костях – прочие рыбы.

– И это все примерно за сутки? – вмешался кто-то еще.

– А что, я свой бифштекс съедаю за пять минут.

– Конечно, если бы там потрудилась сотня таких обжор, как ты…

– Тихо, тихо, угомонитесь! Давайте лучше поговорим о размерах, и многое станет ясно. Размеры – вот что тут главное.

– Простите, профессор, – вежливо попросил слова один из студентов. – Вы сами рассказывали, что судя по двухфутовым следам от присосок кальмаров, которые обнаруживались на туловищах кашалотов, в глубинах наверняка проживают суперкальмары величиной в двести футов. Две трети из этого – щупальца. Почему такой гигант не мог одолеть кашалота?

– Мог, тем более, имеются основания подозревать наличие в океане кальмаров и даже существенно больших размеров. Но вспомни, где обитают такие гиганты? В глубинах. Даже не самые крупные особи в сорок-пятьдесят футов редко появляются на мелководье. Поэтому

кашалот и охотится за ними даже на глубине около мили. И там, действительно, сам может превратиться в жертву супергиганта.

Профессор оглядел молодежь и продолжил:

– Друзья, вы упустили из внимания самое главное: борьбу, которая при этом происходит. Семидесятитонный кашалот чрезвычайно подвижен, а гигантский суперкальмар – еще более. Их смертельная борьба длится не одну минуту. При этом они перемещаются вверх и вниз на многие сотни футов. Особенно это важно для победы кальмара.

– А наш скелет лежит всего на двухстах, – докончил уже Кристиан, тем тоном, которым объясняются с маленькими детьми, – теперь смекаете? Такому кальмару здесь просто не развернуться.

– Понятненько! – маленький задира посмотрел на него презрительным взглядом, а заодно подарил такой же профессору. – Значит, я один среди вас помню океаническую карту местности. Недалеко отсюда двухмильная впадина. Так? Вот там и случилась схватка кашалота с кальмаром. Потом смертельно раненный кашалот дотащил сюда свою задницу и на радость акулам издох… Я заслужил свой бифштекс, профессор?

– Ты можешь даже взять половину от моего.

Довольная молодежь высыпала на палубу, и кто-то поинтересовался у сообразительного нахала:

– А что ты сделаешь, если кальмар накинется на наше судно?

– Плюну ему в глаза, вот что я сделаю!

– Марк, тебе кажутся его слова правдоподобными?

– Что он плюнет в глаза? Я не сомневаюсь! И кашалот действительно мог приплыть сюда после схватки, но только в случае, если бы сам очень серьезно поранил кальмара. Иначе тот бы его не выпустил. Однако скелет, Крис…

– Уж больно чистый? Я тоже этого не могу понять. Акулы, конечно, сплылись бы и оборвали мясо за два три часа, но мелкие остатки на костях не для их зубов. Так что прочая ерундовая рыба кормилась бы тут еще целую неделю.

– Вот это и странно!

В середине дня они увидели флагманский крейсер.

Даже за много миль отсюда, лишь только глаз схватывал его контур, становилось понятно, что движется нечто большое и очень сильное. Что этому движению в океане нет и не может быть никакой преграды, и об его высокую остро-изогнутую грудь разобьются и разлетятся мелкими брызгами даже самые сильные штормовые волны.

А еще через полчаса профессор, поднявшись по спущенной к самой воде лесенке, оказался в объятиях своего младшего брата.

– Еще раз поздравляю, мой мальчик! Очень рад за тебя, очень!

Потом он поздоровался за руку с десятком красивых загорелых офицеров в такой элегантной и безупречно отглаженной форме, что можно было подумать – они приготовились к участию в дорогом телевизионном шоу.

И сам крейсер, по которому ему устроили получасовую экскурсию, оказался фантастическим произведением техники.

Брат показывал и объяснял…

Невидимый под средней кормовой частью защитный ракетный комплекс был готов уничтожить все, летящее в воздухе в радиусе нескольких сотен миль.

– Два таких крейсера способны перекрыть доступ с воздуха на всем Атлантическом или Тихоокеанском побережье страны, – довольно сообщил Пит.

– А сколько крейсеров этого класса всего?

– Пока еще только один. Но скоро будет больше.

Наступательный комплекс, распределенный сразу в нескольких частях огромного судна.

– Он может полностью уничтожить все стратегические объекты ну, например, Ирака и Сирии вместе взятых. Не только военные: электростанции, мосты – на все это тоже хватит.

– Пит, вы уже попали один раз в бомбоубежище с детьми в Ираке.

– И это послужило очень серьезным основанием для дальнейшего совершенствования точности. Ни одна пущенная отсюда ракета уже не отклониться от цели. Не думай, пожалуйста, Марк, что в жилах у военных течет другая, чем у остальных людей, кровь. – Генерал взял брата под руку и, чуть понизив голос, очень довольно сообщил: – Открою тебе один секрет. Теперь, после испытаний, которые мы проводили недалеко отсюда, крейсер обладает еще одним феноменальным оружием. Ни одна подводная лодка противника не сможет приблизиться, для того чтобы нас атаковать. Она будет обнаружена раньше, но что самое главное – будет уничтожена уже через несколько минут особой управляемой ракетой. Причем со стопроцентной вероятностью, то есть – наверняка.

– Ракеты научились не только летать, но и плавать под водой?

– Они умели это делать и раньше. Однако сейчас лодка от них не способна уйти.

– Будет взорвана?

– Нет. Направленное поражение экипажа гамма-лучами. Техника не пострадает, а люди погибнут почти мгновенно.

– Мне, биологу, очень приятно об этом слышать.

– А вот любой подводник, будь он русский или китаец, отреагировал бы иначе.

– Обрадовался бы, что ли, Пит?!

– Не горячись. Да, обрадовался бы, представь себе. Смерть на воде ведь гораздо страшнее, чем смерть на суше. А еще страшнее – под водой. Потому что при обычном поражении субмарина не погибает вся сразу. Трагедия в том, что наверх ей уже не выбраться. А во многих отсеках остаются живые люди. Я мог бы тебе рассказать, что видят потом те, кто осматривает поднятую погибшую лодку, но ни за что не стану этого делать.

Профессор задумчиво пощипал свою бороду…

– Мне трудно судить, братик, но послушать тебя, Пентагону скоро дадут Нобелевскую премию за гуманизм и любовь к человечеству. – Внезапно, о чем-то подумав, он вскинул голову с потемневшими от гнева глазами. – А океан?! Вы только что испытывали какие-то страшные гадости!

– Не беспокойся, пожалуйста. Да, в радиусе полумили твои рыбешки подверглись жесткому облучению. Но это значительно меньше, чем одна капля в стакане воды. К тому же, вспомни, твои коллеги в лабораториях безжалостно режут для опытов мышей и кроликов. Другие обрекают добрых и безответных дельфинов на неволю в океанариумах. Ну, и так далее.

– Мы делаем это ради… э…

– Ха! Пойдем теперь ко мне. Мы делаем свою работу ради того же самого, уверяю тебя.

– Ладно, – примирительно произнес профессор. – Значит все тут у вас – супер?

– Решительно все! Этот корабль дороже и современней любой космической программы НАСА.

Каюта-салон генерала тоже оказалась – «супер».

– Уж здесь бы могли поберечь деньги налогоплательщиков, – осмотрев этот «люкс», проворчал профессор.

– У нас даже матросы имеют комфортабельное жилье. Поверь, Марк, в действительности здесь нет ничего лишнего. Люди месяцами должны жить в океане. И работать с чрезвычайно сложной и очень опасной техникой. Мы не можем допускать даже малейшую психологическую усталость, а тем более – раздражение от бытовых неудобств. – Генерал нажал какую-то кнопочку, и меньше чем через минуту стюард вкатил накрытую салфетками тележку с тарелками и

шампанским в серебряном ведерке посередине. – Давай теперь выпьем за нас. Нет, – он взглянул на фотографию на стене, – сначала – за папу.

Время, как же его не хватает на все хорошее.

Вот, нужно уже расставаться.

– Пит, а мне нельзя дозаправить у тебя свое суденышко? Тогда бы не пришлось через неделю заходить в какой-нибудь местный островной порт.

– Топлива у меня сколько угодно, но, знаешь, с крейсера его перекачивать слишком уж неудобно. А всего в двадцати милях отсюда наш небольшой корабль. Продолжает кое-какие эксперименты. Я дам приказ, они вас обеспечат.

Потом профессор помахал брату из лодки, направляясь назад к болтавшейся невдалеке их скромной посудине. И стало грустно…

А в детстве он никогда не испытывал этого чувства. Наверное, потому что нужно было все время помогать отцу, заботиться о младшем брате, учиться как можно лучше, чтоб поступить в университет. И там быть среди самых первых, не отягощая, благодаря стипендии, уже пожилого родителя.

Когда же у него стала появляться вот эта непонятная грусть? После смерти отца?..

Нет, если старые люди уходят, вот так, с чистой совестью, со спокойным приготовившим уже себя к другому миру сознанием, их смерть вызывает у окружающих совсем не такое чувство. Иное… которое удается иногда испытывать и здесь, в океане. Оно пронизывает вдруг ощущением того, что жизнь не может исчезнуть. Что истинный мир гораздо больше того, в котором люди по привычке находятся, вцепившись в маленькие кусочки сиюминутного, и этим глупо и безнадежно себя ограничивают. Он тоже нередко такое за собой замечает, а с возрастом эта путаница большого и малого начинает навевать грусть.

– Ты о чем-то все время думаешь, Марк, – заметил Кристиан, когда они вечером допивали в кубрике чай. – Об этом странном скелете?

– И о нем в том числе…

– А у меня он просто из головы нейдет. Помнишь, как мы два года назад оттаскивали в океан самку голубого кита?

– Которая выбросилась на берег?

– Ну да. Оттащили, а она потом все равно стала дохнуть на такой же вот примерно глубине. Акулы ее очень быстро разъели, но мы же потом шесть дней наблюдали всякую сплывшуюся кормиться мелочь. И сколько получили новых данных, какие чудесные экземпляры удалось отловить.

– Добавь сюда, Крис, та самка значительно уступала своими размерами этому кашалоту, – весьма рассеянно, впрочем, добавил профессор. – И любопытно было бы посмотреть на кальмара, который с ним справился…

Его помощник не очень довольно пожал плечами:

– Нет, Марк, ты все-таки думаешь о чем-то другом.

Смертельная белизна

Ночь – не самое благоприятное время для передвижения в океане на таком как у них судне, поэтому Таккерт решил двигаться дальше завтра. И первым делом – подойти к военному кораблю, который полностью дозаправит их топливом.

Но заступивший на ночную вахту задира решил по-своему. С рассветом, когда все еще будут спать, он сам поведет корабль по отмеченным в журнале координатам. Это хорошая возможность попрактиковаться. Потом – пусть злятся и кричат. Всегда приятно наблюдать, как люди все равно отступают перед его хладнокровием. И этот чудак-профессор – прежде всего.

Поэтому, лишь только предутренняя мгла начала отступать, он запустил нешумный двигатель и встал у штурвала.

До военного судна, он рассчитал, чуть более часа пути. Значит, народ еще не успеет проснуться к тому времени. Очень интересно, сумеет ли он точно выйти по указанным координатам?

Меньше чем через час юноша почти возликовал от радости – в светлом уже предутреннем океане прямо по курсу завиднелся корабль. Вот это здорово! Теперь до него каких-нибудь пятнадцать минут ходу…

Корабль оказался так себе: повыше бортами, а по размерам – немногим больше, чем их собственный.

Когда оставались какие-то триста футов, на палубе военного корабля показался матрос и помахал приветственно руками. А когда расстояние сократилось вдвое, он, уже очень отчетливо видимый, сделал знак швартоваться к их ближнему борту.

Задира чуть растерялся, потому что ни разу еще не швартовался, тем более не только к пристани, а прямо вот так, в океане.

Но тут же, сбавив ход до самого малого, решил, что все равно попробует. И, развернув штурвал для движения по касательной, вышел на палубу, чтобы приготовить швартовый конец.

Он уже нагнулся к сложенному восьмеркой канату, но все вдруг резко приподнялось, а борт, у которого он находился, дал резкий крен вверх. Задира, потеряв равновесие, плюхнулся на спину, больно ударившись обо что-то плечом.

– Что, черт возьми, такое?! – успел он произнести, но тут же почувствовал, что палуба возвратилась в прежнее правильное положение.

Поднявшись на ноги, он снова пришел в крайнее недоумение.

Казалось, ударившая в их кораблик волна приподняла его и держит, потому что конец мачты военных очутился вдруг на одном с его глазами уровне.

Нет… вот просто никакой мачты не стало, а их легкое суденышко сильно потянуло кормой в сторону большой винтообразной воронки…

Профессора не очень испугала встряхнувшая судно волна, потому что сразу все снова установилось. Это бывает, одиночные волны иногда появляются неизвестно откуда. Но волна была незначительная, во всяком случае, не шквальная.

В иллюминаторе брезжил утренний свет, и он хотел взглянуть на часы, как вдруг на палубе раздался истошный крик.

Через две секунды выскочивший на палубу профессор столкнулся с Кристианом. Тот, сдвинув его с пути, стремительно бросился к рубке. И почти сразу во всю свою мощь заработал двигатель.

Остальные, в голом почти что виде, тоже оказались на палубе.

– Что случилось, профессор?! Что?!

– Сам не понимаю! – он сунулся в рубку, где Кристиан стоял уже за штурвалом.

– Можешь мне объяснить, что происходит?!

– Уносим ноги, Марк! Туда, где мелководье! Прикажи всем убраться в кубрик! Немедленно!!

Таккерт, продолжая недоумевать, скомандовал ребятам не выходить из кубрика, и только сейчас заметил, что их не четверо, а трое.

– А где наш вахтенный, Крис? – совсем очухавшись ото сна и непонятной сутолоки, спросил он. – И от кого мы бежим? О господи, что с тобой? У тебя лицо как белая бумага!

Его помощник сделал усилие, преодолевая комок в горле, и неестественно отчетливым голосом проговорил:

– Марк, парня уже нет в живых.

– Что ты сказал?!

– Кальмар-альбинос. Гигантское щупальце… взвилось над судном и слизнуло его как пылинку.

– Ты в своем уме?

– Почти. Хотя можно спятить от подобной жути. Наше судно для такого существа – все равно что зернышко.

– Отойди от руля!

– Что?

– Немедленно отойди от руля!

– Марк, если мы не уйдем как можно быстрее на мелководье…

– Садись с ребятами в лодку и дуйте туда на полной скорости.

– Послушай, его невозможно спасти! Ручаюсь тебе, он погиб уже в тот момент, когда щупальце его захватило.

– А я ручаюсь, что просто убью тебя, если не выполнишь приказание!

Когда застрекотала лодка, Таккерт успел уже переложить штурвал и развернуть судно в обратную сторону. «Хорошо, – подумал он, – на такой скорости они быстро доберутся не только до мелководья, но и до ближайших островов. Жаль правда, он не смог ничего толком узнать от Криса. Гигантский кальмар? Что вообще это такое было?»

Дверь рубки неожиданно распахнулась.

– Все в порядке, Марк. Я их отправил.

– Крис! Ну какого… зачем ты остался?!

Тот посмотрел на панель с часами и компасом.

– Возьми чуть правее… Через четыре минуты мы снова будем на месте.

Таккерт вдруг почувствовал жгучий стыд. Как мог он несколько минут назад позволить себе подобный тон обращения с лучшим своим и самым верным в жизни учеником? По сути дела, он оскорбил его обвинением в трусости. Преданного ему человека, с которым, если вспомнить пятнадцать лет совместной работы, они побывали вместе в отчаянных переделках. Упрекнул его в малодушии за попытку спасти остальной экипаж…

– Ты, это, – тихо проговорил профессор, – расскажи мне, пожалуйста, что именно успел заметить?

– Всего какие-нибудь полторы секунды, Марк. Я выскочил чуть раньше тебя… Парень стоял на корме, будто всматриваясь в воду. И тут же… футах в восьмидесяти за кормой океан вспенился вверх струей, как если бы заработал огромный гейзер, и в воздух мгновенно взмыло гигантское белое щупальце. Фантастических размеров, Марк.

– Попробуй вспомнить, каких.

– Диаметр у воды… не менее десяти футов.

Профессор вздрогнул.

– А тот конец, что ринулся с высоты и захватил, словно пушинку, бедного парня, фута в четыре. Он сжал его поперек корпуса, так что торчали только голова и ноги. Опять взмыл вверх по дуге, и все это с неестественной скоростью скрылось под воду.

– Крис, если щупальце имеет диаметр в десять футов у основания, общая длинна кальмара должна составлять не менее шестисот футов. Это следует из его анатомического строения, – профессор встряхнул головой. – Я не могу себе представить такое.

– Хотя именно ты являешься автором теории о скрытых пока от нас гигантских морских беспозвоночных.

– Однако не приготовил себя для встречи с собственной теорией, как видишь.

– Не хочу нас обоих запугивать, Марк, но я не имел в виду, что щупальце составляло в диаметре десять футов у основания.

– Не понял, что ты хочешь сказать?

– Основание – это туловище. Но ничего похожего вблизи поверхности воды не возникало. Казалось, что щупальце тянется откуда-то из глубины.

– То есть, это всего лишь ее промежуточная толщина?

– Выходит, что так. Глуши двигатель, мы на месте.

– Чему быть – того не миновать! – Профессор достал из чехла бинокль и вышел на палубу. – Нужно все осмотреть, Крис, и я молю Бога, чтобы он помог нашему мальчику.

Невысокие пологие волны открывали обширную видимость океанской поверхности…

Все было пусто.

Они прошли еще около мили. Потом покружили, вглядываясь в воду… И странно, ни разу не возникло ощущение опасности за себя.

– Знаешь, Марк, я никак не могу переварить случившееся. Ловлю себя все время на мысли, что ничего в действительности не произошло. Сознание не хочет признать это реальным. Мне кажется, мы вот скоро вернемся, и наш парень там, среди ребят…

Профессор взглянул на лицо помощника, и что-то в нем ему не понравилось.

– Сходи-ка, ты в мою каюту, Крис, там, в шкафчике, бутылка бренди.

– Я не хочу бренди.

– Я тоже не хочу, но ты все же сходи.

Он возвратился в рубку и, дав полный ход двигателю, встал на обратный курс.

– Это хороший бренди! – когда появилась бутылка, не терпящим возражения голосом заявил Таккерт. – Налей нам сразу по полстакана.

– Почему-то не чувствую вкус, – выпив свою порцию, объявил Кристиан.

– Ты сам, дорогой, понимаешь, что значит отключение вкусовых рецепторов.

– Стресс?

– Сильный стресс. И чтобы он быстрее прошел, не давай увиденному спрятаться в подсознании, иначе оно преобразуется там в кошмар. Думай о произошедшем как о реальности. По возможности, хладнокровно вспоминай детали.

– Вроде бы немного голову отпустило, – минут через пять сообщил помощник. – А что касается деталей… Да, белый цвет, я бы даже сказал, молочно-белый. И вот еще, там не было присосок.

– Ты мог просто не обратить внимания.

– Мог… хотя вряд ли. По-моему, их там не было.

– Ты говоришь, никаких признаков туловища вблизи поверхности?

– Совсем ничего.

– Каким образом кальмар управлял тогда щупальцем?.. Снизу он, конечно, видел наше судно, но как сумел направить его на человека? Ты сказал, оно взмыло вертикально вверх?

– Именно.

– Следовательно, существо находилось внизу, а не где-нибудь сбоку. Может быть, случайность? Просто кальмар обводил вокруг щупальцем?

– Не обводил. Клянусь тебе, Марк, оно спикировало на парня, как коршун, который летит на цель.

– Странно… Кальмар туповат, а его щупальца обладают только грубой сенсорикой на механические раздражители.

– Смотри-ка, мы не обратили внимания, – помощник ткнул пальцем в судовой журнал. – Открыт на странице с координатами военного судна. Вот почему мы оказались так далеко от мелководья!

– Пока спали, он привел сюда судно?

– Судя по всему, именно так.

– Тогда почему мы не увидели этих военных? Кругом все пусто до горизонта.

Внезапно заработала радиосвязь. Таккерт откликнулся и тут же услышал вежливый голос. Говорил вахтенный офицер крейсера.

– Здравствуйте, сэр. Вам не удалось пока встретиться для дозаправки с нашим судном? Они не отвечают на позывные, а вы, кажется, где-то рядом?

Профессор чуть помолчал, обдумывая как лучше ответить.

– Видите ли… мы оказались в том самом месте, но ваш корабль не обнаружили. К тому же, здесь кое-что произошло, и мне хотелось бы поговорить с Питом.

– Простите, сэр?

– Да, с генералом Таккертом, разумеется.

Похоже, его собеседник заколебался.

– Ночная вахта у нас заканчивается только через двадцать минут. Простите, сэр, я не могу без достаточных оснований будить командующего эскадрой.

– Ну, ладно. Только доложите ему, пожалуйста, обо мне сразу, как только проснется.

– Ровно через двадцать минут, сэр.

– Их корабль, Кристиан, не отвечает на позывные.

– Плохо дело, Марк. Сколько может весить шестисотфутовый кальмар?

Профессор подумал и мрачно свел брови.

– Да, уж побольше малотоннажного судна.

Через двадцать две минуты он услышал голос брата.

– Что у вас приключилось, Марк? И вы действительно не обнаружили по координатам наше судно?

– Не хочется тебя огорчать, но очень возможно, что его постигла та же участь, что одного из членов моего экипажа.

– То есть?

– Нападение шестисотфутового кальмара, Пит.

– Ты не оговорился?

– К сожалению, нет. Моему помощнику удалось увидеть только одно его щупальце. Остальное – дело простых расчетов.

Брат на некоторое время замолчал…

– Где ты теперь находишься, Марк?

– Скоро буду на мелководье. Не волнуйся, там безопасно.

– Сейчас в ваш район вылетит истребитель-разведчик. Будет там уже через пятнадцать минут. Значит, скоро я получу информацию осмотра с воздуха и снова свяжусь с тобой.

– Прошу тебя, пусть лучше не летает низко.

– Две мили высоты тебя устроят?

– Вполне.

Неожиданный поворот

Генерал приказал перевести связь с пилотом на главный командный пункт и сам занял через пятнадцать минут там свое место, вполне успев за это время побриться.

– Вышел на сектор, – прозвучало по связи, – начинаю облет.

Далее, как и положено, через каждые тридцать-сорок секунд летчик докладывал обстановку.

Безрадостную. Их корабль не обнаруживался. Вместе с этим, границы сектора были выбраны так, что корабль не мог преодолеть их за время, прошедшее после последней связи, даже если бы поставил себе такую нелепую задачу.

– Облет закончил, – прозвучало в конце концов то, что меньше всего хотелось услышать.

– Пусть возвращается, – мрачно приказал генерал.

Он еще с минуту посидел в кресле, что-то обдумывая, и, когда хотел встать, услышал вдруг взволнованный голос пилота:

– Атакован! Атакован, но не вижу противника! Два пробоя крыла!

Пит Таккерт мгновенно отреагировал:

– Уходить к береговой полосе!! – прокричал он так, что дежурному офицеру не пришлось повторять это в эфир.

– Есть, к береговой полосе.

Генерал уже сам встал на связь с пилотом.

– Загорание на борту?

– Нет загорания. Но крыло начинает раздеваться.

Этот возможно забавный для гражданских людей термин означает очень скорую катастрофу. Поврежденный металл на корпусе начинает раздираться потоками воздуха. Остальное, в зависимости от типа самолета, – дело минуты или десяти секунд.

– Сильно дерет?

– Средне… вот, уже сильно.

– Катапультироваться!

– Могу еще продержаться.

– Немедленно!

Он знал, чем чревата теперь каждая секунда. Летчики впадают в горячку и пропускают момент, когда самолет, мгновенно теряя аэродинамику, начинает, крутясь и вращаясь, лететь вниз. И катапульта в этих случаях редко спасает: пилот погибает от удара о собственное крыло, или его накрывает падающая сверху машина.

Но слава Богу! Уже прозвучал сигнал сработавшей катапульты.

На дальнейшие приказы ушло не более минуты. Ему нужно было только, объявив общую тревогу, называть номера известных каждому подразделению команд.

Два истребителя боевого дежурства через десять секунд взмыли в воздух, а через полторы минуты за ними ушли еще четыре боевые машины. Эта шестерка должна блокировать сектор с воздуха и, определив противника, действовать на поражение. Сразу же вслед за ними стартовал спасательный гидроплан, чтобы забрать катапультированного летчика. Это стандартные меры. Теперь – их новинка: бортовой пуск ракеты. Она достигнет заданных координат уже через две минуты, и в центре сектора на высоте пяти миль повиснет парашют с минилокаторной станцией. Парашют не будет снижаться, потому что станция обладает вертикальной двигательной установкой. Она начнет передавать все сюда, просматривая не только воздух, но и воду на глубину в милю, то есть ту глубину, ниже которой подводные лодки современного

класса не в состоянии опуститься. Тот, кто атаковал самолет, таким образом, обязательно будет обнаружен. Он не успеет уйти из сектора.

Крейсер и три других корабля уже легли на обратный курс и двигались полным ходом.

Но кто мог, кто посмел обстрелять истребитель ВМФ США?! Какое это было оружие? Попадание на высоте в две мили… Пилот не зафиксировал взрыва противовоздушной ракеты, осколки которой могли это сделать. Тогда что? И откуда? Пилот увидел бы при облетах любой корабль. Значит, с подводной лодки. И залп сделан из-под воды. Чья лодка? Китайцы, русские?

Североатлантические союзники были предупреждены об испытаниях в этом районе, свои – тем более. Следовательно, это наверняка не случайный ошибочный залп.

Генерал отдал еще одну команду, приказав самому быстрому из трех кораблей идти по координатам падения самолета. Им повезло, он упал вблизи береговой полосы. Поднять корпус будет нетрудно.

Тихое мелководье

Отыскать лодку с ребятами им удалось очень скоро. Потому что те приняли единственно правильное решение: на месте уникальной находки, там, где позавчера обнаружился загадочный скелет кашалота, был установлен буй, и они догадались, что лучше всего болтаться поблизости от этого ориентира.

Известие о страшной гибели товарища повергло всех троих в шок.

– В сложившихся условиях, друзья, я обязан прекратить наши исследовательские работы и доставить вас немедленно в ближайший порт, – объявил им Марк Таккерт. – Вы не можете оставаться в таком опасном соседстве.

– А вы, профессор, разве вы можете?

– Не знаю еще, что буду делать сам, но, судя по необычайным размерам кальмара, ему не составит никакого труда перевернуть и потопить такое судно, как наше.

– Но почему он сразу не сделал этого, а ограничился нападением на человека?

– Возможно, именно потому, что был уже в это время занят под водой другой добычей.

– Военным кораблем, – пояснил Кристиан, – который должен был находиться именно в том самом месте.

– А до этого кальмар разделался с кашалотом?

Профессор надолго задумался. Все замолчали, наблюдая как его пальцы чересчур беспокойно теребят жесткую бороду…

– Слишком все непонятно, – наконец заговорил он. – Слишком! Даже мне трудно поверить в такие размеры кальмара.

– Раз он альбинос, значит, обитал на очень больших глубинах, – осмелился предположить кто-то из студентов. – Но что-то выгнало его оттуда.

– Не в этом дело! – раздраженно поморщился Таккерт. – Не понимаю, во-первых, как такие щупальца могли выпустить из глубины кашалота. Для них – он просто игрушка. Но главное в другом. Челюстной клюв у этого гиганта должен составлять не менее тридцати футов, а его удары сравнимы с силой огромного промышленного пресса. Но скелет невредим. Ни одной сломанной кости, ни одного вывиха от фантастического сжатия щупальцами. – Профессор оставил бороду в покое и почти гневно развел руками. – Не понимаю!

– К тому же, – напомнил Кристиан, – я не увидел присосок на щупальце.

– Почему это не может быть какой-то неизвестный глубоководный вид, профессор?

– Потому что все то, что приобретает совершенно особенные, не присущие обычным особям качества, это уже не вид! – он помолчал и мрачно добавил: – Это другое животное.

– Ты хочешь сказать, что это вообще не кальмар? – переспросил помощник.

– Да, такое не исключено.

Через полчаса они вошли в бухту небольшого курортного островка и пришвартовались у пристани.

Странно, что при всем вдруг кошмарном случившемся ему сейчас захотелось есть. Нуда, не завтракали ведь, да еще этот бренди…

Но о завтраке никто не заикался, а ребята смотрели на него, будто ожидая новых объяснений.

Сели в траурном молчании под носовым тентом в раздвижные матерчатые кресла.

– Мы там все осмотрели, – виновато сообщил Таккерт, – кругом – одна пустая вода…

– Не терзайте себя, профессор, – утешая, произнес один из студентов, – вы-то ни в чем не виноваты.

– К тому же, он сам повел судно в океан, – поддержал еще кто-то, – нужно ему это было?

– «Когда в мире вдруг погибает человек, – говорил мой отец, – значит в этом мире что-то не так», – грустно ответил он им.

И, помолчав, заговорил снова:

– Не знаю, имею ли право разглашать известную мне информацию… впрочем, я не давал никаких подписок. Так вот, совсем недавно в этом районе военные проводили эксперименты: гамма-облучения на глубинах. И я подозреваю, что они потревожили и привели этим в агрессивное состояние кого-то, кто сам бы никогда не вздумал всплывать на поверхность.

– Можно вопрос, профессор?

Таккерт кивнул.

– Известно, что гамма-облучения гибельны для человека, но могут способствовать росту и мутациям примитивных организмов.

– Могут, но все же не за такие короткие сроки. Если бы речь шла о растениях или микроорганизмах, то да, эффекты там обнаруживаются быстро. Однако кальмары отнюдь не относятся к разряду примитивных, это во-первых. Во-вторых, если иметь в виду упомянутые мутацию, то суть ее в следующем. – Он вдруг приостановился и посмотрел на помощника. – Кристиан, ты это все прекрасно знаешь, поэтому займись, будь любезен, завтраком. Мы ведь ничего еще так и не ели.

Три пары глаз уставились на него в ожидании.

– Так вот, коллеги, мутацию часто отождествляют с перерождением клеток и состоящих из них структур. Это всего лишь отчасти так, потому что к слову «перерождение» нужно относиться крайне внимательно и осторожно. Оно означает переход из одного состояния в другое. Вы меня понимаете? Отсюда сразу же следует сделать вывод, что это другое состояние в принципе допустимо природой для данного вида животных. Иначе говоря, природная потенция любого организма значительно шире того, что конкретно сложилось. Почему? А потому, что в процессе эволюции все живое стремилось обрести максимальный запас прочности. Иначе не было бы и самой эволюции. – Профессор поднял вверх палец. – Это важнейший момент, и я его сейчас объясню. Представьте себе, что человек идеально настроил себя на одну единственную ситуацию. Что, спрашиваю вас, это значит?

– Ну-у… – неопределенно прозвучало ему в ответ.

– Это значит – жестко подчинил ей все имеющиеся ресурсы, – направляясь к кубрику, проговорил Кристиан. – И не сумеет гибко отреагировать, если ситуация чуть-чуть изменится.

– Спасибо тебе, но все-таки не отвлекайся от приготовления пищи.

– Живот просто как у голодной акулы, – поддержал профессора жалобный голос.

– Зато кровь не отливает от головы, – утешил он. – Итак, друзья, внимательно слушайте дальше. Примитивная эволюционная теория так и считает: в природе побеждает тот, кто лучше остальных приспособился к сегодняшним обстоятельствам. Глупости. Это значит, что он первый и погибал бы при их очень частых изменениях. А отсюда, в свою очередь, вытекает, что максимально приспосабливаться к конкретным обстоятельствам, то есть отдавать этой задаче все силы, – невыгодно. Что же, встает вопрос, тогда выгодно?.. Две вещи: исходя из данных условий жизни воспринимать ее главное содержание, а не частности, направляя максимум сил на ответ всем возможным изменениям частностей. Другими словами, только минимум сил направляется на необходимое сиюминутное выживание и максимум для готовности к изменениям ситуаций. Кто лучше следует этому принципу, тот дольше сохраняет себя в животном мире.

– Простите, профессор, можно ли сказать так: природа заставляет живое отдавать ресурсы на программирование ситуаций, делая сильнее того, кто смотрит в стороны?

– Не можно, а нужно именно так и сказать.

– Но вы упомянули о чем-то втором…

– Да. И этого вы не найдете у Дарвина, а тем более, у его не слишком умных последователей. Второе – это коллективность выживания любого определившегося вида. Даже человек – очень юное существо сравнительно с любым видом океанической фауны – руководствуется прежде всего коллективными мотивами выживания. Все войны, которые когда-либо были, продиктованы этническими или макрогрупповыми социальными интересами. И если бы так сказать «среднестатистический человек» не ставил их подсознательно выше личных, ни одна война просто бы не состоялась. Но человек, думаю вам понятно, еще не доказал вполне своей эволюционной устойчивости. Еще не известно, будем ли мы существовать через тридцать или сорок тысяч лет, однако известно, что в этом вот океане будут существовать те же акулы, кальмары, морские ежи, медузы… Что мы знаем пока об их программном потенциале и о заложенных в нем коллективных методах выживания?.. Теперь, возвращаясь к мутации: это всего лишь переключение на одну из других программ, которая уже более соответствует новым условиям. Но как бы ни мутировал, например, Колорадский жук, он все-таки останется жуком, и можете быть уверены, в дождевого червя не превратится.

– Но что мешает предположить, что мутация кальмара привела его к тому, что он потерял свой клюв и челюстной аппарат, а приобрел вместо него огромное всасывающее отверстие.

– Ты имеешь в виду, что он способен теперь заглатывать пищу живьем и переваривать до скелета? Я не против самых фантастических предположений, и мне тоже, грешным делом, похожая мысль сразу пришла в голову. Но было нетрудно сделать в уме кое-какие расчетные оценки. Мы ведь не можем выходить за рамки самых главных и фундаментальных биологических законов. Скорость протекания соответствующих химических реакций, например. Она имеет свои ограничительные константы. Такие же, в своем роде, как скорость света. Военные провели здесь первое облучение всего лишь восемь дней назад. Перерождение живых структур могло начаться сразу. Но даже по самым смелым расчетам это смешной срок для того, чтобы кальмар существенно изменил свой сверхпрочный и сверхтвердый челюстной аппарат и поменял анатомическое строение и химический комплекс пищеварительной системы. Это не те чудеса, в которые стоит верить.

– Возможно, мой вопрос прозвучит не слишком грамотно, – осторожно начал один из студентов, – а наблюдалась ли разница между мутационными изменениями отдельного подвергнутого облучениям организма и целой группы таких же. Я это к вашим словам о коллективном выживании.

– Прекрасный вопрос, мой мальчик! К сожалению, этим мало пока занимались. Но сформулированная тобою проблема – одна из наиболее важных. Представьте себе, что человек оказался один в горящем доме. Что он будет делать? Да просто спасаться, убегать из него. У каждого внутренне сработает именно эта программа. А если в доме оказалась большая группа сильных здоровых людей? Они предпримут совсем другие действия: начнут тушить огонь, спасать имущество. И более того, взаимодействуя, они запустят несколько разных программ: кто-то начнет подавать воду, кто-то сбрасывать огонь с занавесок, оттаскивать еще не загоревшуюся мебель, ну и так далее. То есть программа бегства вообще не заработает, а вместо нее включенным окажется комплекс из нескольких функциональных связок. Нечто в таком же роде может произойти и с большой группой одних и тех же организмов. Однако сложность заключается в том, чтобы неожиданные лабораторные условия действительно толкнули в ход одну из потенциальных программ коллективного действия. Какой именно эксперимент и в отношении каких именно организмов лучше всего поставить? Увы, чрезвычайно трудно спланировать такие исследования.

– Если придерживаться предлагаемой логики, профессор, кальмары ведь очень старые существа на планете. Они водились еще и в эпоху ихтиозавров. Природа с тех пор переродилась, а кальмары – выдержали. Значит, у них огромный внутренний потенциал. Почему он не мог ответить на жесткие гамма-излучения?

Профессор, неохотно соглашаясь, кивнул:

– Я не утверждаю совсем категорически, что кальмар не мог преобразоваться. Но тогда нам следует сделать вывод, что мы почти ничего не знаем о подлинных скоростях биологических реакций.

– А почему – нет? Теория относительности Эйнштейна тоже некоторыми учеными ставится под сомнение.

– Пусть так. Но мы ведь и очень мало знаем об океанских глубинах. Кто мог там сохраниться помимо кальмаров?

– У меня все готово, – объявил, высунув голову из кубрика, Кристиан.

Поиск противника

Уже в первые минуты своей работы установленная посредством ракетного пуска локационная система проанализировала сектор. Ноль! Никаких объектов!

Этого генерал Таккерт никак не ожидал.

И, строго говоря, должен был сделать теперь только два вывода: истребитель был атакован не с воды, а с воздуха. Причем атаковавший его самолет был невидимкой типа «стелз», потому что радарная установка на истребителе, контролировавшая окружающее пространство, не отреагировала. Или второе: вражеская субмарина сумела опуститься на глубину свыше одной мили. Однако никаких данных о наличии и даже проектных разработках такой боевой техники в России или Китае в разведслужбах страны никогда не было.

Средств погружения на большие глубины, как таковых, в мире более чем достаточно. Только это чисто исследовательские средства. Очень тяжелые из-за толщины корпуса, предназначенного выдерживать большие давления, неманевренные тихоходы, но главное – неспособные самостоятельно преодолевать большие океанские пространства. И тем более с вооружением на борту, осуществляющим точное попадание из-под воды в современный быстролетящий истребитель. Но куда мог уйти тихоход? Притом, что у возможного противника нет поблизости военных баз. Для боевых же подводных лодок рубежная глубина – чуть более полумили.

Он доложил обо всем в штаб ВМФ. Там тоже пришли в недоумение и подтвердили: никаких крупных кораблей противника, которые могли бы быть средством доставки глубоководной субмарины, нет в радиусе нескольких сотен миль отсюда. Спросили – какая требуется помощь?

Он сам этого не знает…

Потерян корабль и палубный истребитель. Вот так, без всякого признака противника.

И Марк еще рассказал какие-то страхи про шестисотфутового кальмара. Это что же, он в длину немногим меньше, чем крейсер?.. Трудно поверить, хотя, по весу он все равно уступает крейсеру минимум в сто раз.

Брат, несомненно, просто паникует. Понятно, их небольшое военное судно стало жертвой того же агрессора, что самолет. Военные суда всегда надежно задраены. И никакому кальмару не по силам затащить такой корабль под воду. Потому что сопротивление здесь оказывает не вес, а тоннаж. Но все равно, слишком много во всем происходящем чего-то совсем ненормального.

Пит Таккерт взглянул на фотографию отца, будто в ожидании помощи. Странно… иногда ему кажется, что папа смотрит с фотографии ласково и даже участливо, а иногда, вот как сейчас, словно в детстве, когда ненароком они с братом совершали какую-нибудь провинность.

Одно утешает: сейчас еще только восемь утра, через семь с половиной часов они будут на месте, и дневного времени еще хватит, чтобы кое в чем разобраться.

Ему доложили, что катапультированный пилот уже найден и подобравший его гидроплан находится на обратном пути.

Через полчаса летчик был доставлен.

Генерал уже знал, что это опытный, много налетавший офицер, да, впрочем, на крейсере и не было новичков.

– Садитесь, капитан. Как себя чувствуете?

– Вполне нормально!

– «Вполне нормально» после катапультирования не бывает. Сейчас все равно пойдете к медикам, но сначала расскажите мне все по порядку.

– При облетах, как я докладывал, ничего не было обнаружено, если не считать маленького судна, которое двигалось в сторону береговой полосы. Но меня предупредили, что о нем известно.

– Да, научное судно.

– Получив команду на возвращение, я сделал разворот и взял обратный курс.

– Где именно вы находились в момент атаки?

– Примерно там, где координатно должен был находиться разыскиваемый корабль.

– Продолжайте.

– Почувствовал боковой удар и самопроизвольный крен влево. Посмотрел на правое крыло. Две рваные дырки на расстоянии около фута друг от друга. По виду такое впечатление, что меня достали из крупнокалиберного пулемета.

– Снизу или сверху?

– Определенно снизу. И по крену машины, и по металлу, характерно развороченному в местах поражения.

– С воды стрелять не могли, капитан, вы согласны? У истребителя слишком большая скорость, чтобы поразить его из пулемета, да еще на высоте в две мили.

– Крайне маловероятно, сэр.

– Следовательно, это мог быть только другой самолет, обстрелявший вас откуда-то снизу, со стороны фюзеляжа.

– Позвольте высказать мнение, сэр.

– Да, слушаю.

– Это мог быть только стелз-невидимка, иначе мой радар его бы обнаружил.

– Разумеется.

– Не могу понять, сэр, тогда он просто разнес бы мне все крыло. Я знаю технические данные самолетов противника и их стрелковое вооружение. Простые пулеметы давно отошли в прошлое как малоэффективные. В последние десять лет их не ставят ни русские, ни китайцы. Они сохранились лишь на старых моделях, которые не могут быть современными «стелз».

Генерал согласно покивал головой.

– И еще одно соображение, сэр, – несколько неуверенно произнес летчик. – Если бы дыры мне проделали осколки от какой-либо ракеты «воздух-воздух»…

– Я знаю, капитан, ваш бортовой радар не зафиксировал бы сам «стелз», но пущенную им ракету обязательно бы зафиксировал.

– Именно так, сэр.

– Разберемся! – ободряя, кажется, больше себя, нежели летчика, произнес Таккерт. – Скоро поднимут ваш истребитель, и экспертиза покажет – что там в крыле за пробоины.

Через час генерал, еще раз все обдумав, приказал связать его с братом.

– Где ты находишься?

– В бухте, – профессор назвал маленький остров. – Стою у пристани на швартовке.

– А я возвращаюсь обратно. Туда, где исчез наш корабль, был неизвестно кем сбит истребитель и, как ты утверждаешь, водится вдобавок ко всему какое-то фантастическое животное. Тебе сейчас нельзя выходить в океан на своей посудине, Марк, поэтому приглашаю погостить у меня на крейсере. Думаю, я скоро разберусь со всеми подводными негодяями сразу.

– С удовольствием, Пит! Тем более, мне нужно поделиться с тобой кое-какими мыслями, но вряд ли это стоит делать в эфире.

– Договорились, скоро я пришлю за тобой гидроплан.

Еще «далеко до вечера»

– Вот что, Крис, ребят придется отправить по домам. А ты подождешь меня здесь и будешь сторожить судно. Об одном тебя прошу – не выходи в океан.

– Марк, почему бы мне пока не поработать на мелководье? Я бы мог и один кое-что сделать по нашему научному плану.

– Опасно, подумай сам. Тот, кого мы принимаем за кальмара, слишком силен.

– Послушай, но со слов твоего брата ведь уже ясно, что военный корабль погиб в результате чьей-то диверсии, а вовсе не из-за морского хищника.

– А щупальце, которое ты видел?

– Оно же не стало нападать на корабль, а выбрало человека.

– Тебе этого мало? К тому же, я очень подозреваю, что этот гигант способен действовать и на мелководье. Тот скелет, Крис. Мы так и не нашли ему ясного объяснения.

– Скелет хоть и лежит на мелководье, но почти у самого края впадины. Вернее всего, гигант, переварив пищу, выкинул его где-то невдалеке на поверхность. Ты же знаешь, там сильное течение к берегу, и прежде, чем скелет затонул, его вынесло на мелководье.

– Слишком вольное токование!

– Но и естественное, тем более, что нет никакого другого.

– Хорошо, поступим иначе. Я тебе запрещаю отходить от пристани. Слышишь меня?! За-пре-щаю!

Еще через час в бухте симпатичного туристического островка приводнился двухмоторный гидросамолет. Профессор тепло попрощался со всеми и улетел.

– Крис, какого черта?! – трое студентов обступили его и начали, как он и ожидал, свою наступательную операцию. – Почему мы должны уезжать отсюда?!

– Потому что профессор волнуется за вас, за вашу безопасность.

– Мы могли бы просто жить на корабле и немного отдохнуть на этом чудесном острове.

– Да, у нас нет богатых родителей, чтобы оплачивать такой отдых.

– И что мы будем делать в городе в разгар лета? Мы же не виноваты, что экспедиция сорвалась!

Честно говоря, он сам уже об этом подумал. Марк беспокоится о них, это понятно. Но почему бы ребятам действительно не отдохнуть в этом шикарном туристическом местечке. Провизии у них на судне много, и гнать отсюда мальчишек просто несправедливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.